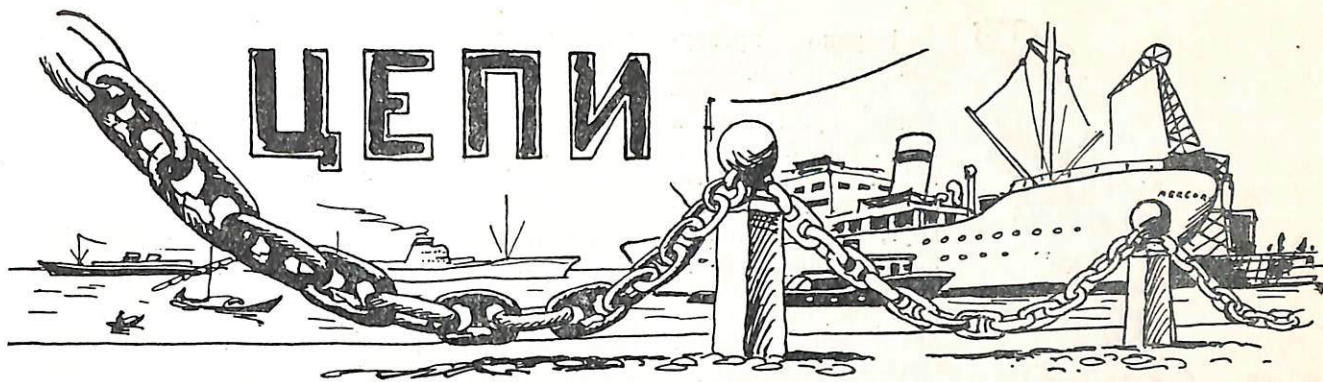

Мухаммад Ибрахим Дакруб

(ЛИВАН)

Рисунки Б. Алимова

Хриплый гудок товарного поезда раздался вдали, когда Юсуф подходил к воротам порта. У прилавка Абу-Али он получил завтрак — пучок зеленого лука и щепотку соли — и, жуя на ходу, направился к группе своих товарищей.

— Доброе утро...

— Здравствуй...

— Здравствуй... Садись...

Он уселся в тесном кругу и сказал, продолжая жевать:

— Начнем, ребята.

— Давай, давай...

Юсуф огляделся вокруг — все шло как обычно: рабочие в рваной одежде с разноцветными заплатами бродили по мостовой в ожидании начала работы или, собравшись в кружок, беседовали о жизни, о стране, о высокой плате за жилье в Бейруте. Несколько человек окружили Ахмеда ад-Даляля, шутника и балагура, который уже выкинул пару удачных номеров и теперь заразительно хохотал. За решетчатой оградой виднелись груженные лодки и баркасы; три-четыре небольших парохода качались на волнах; запахи нечистот носились в воздухе. Посреди улицы взад и вперед расхаживал муаллим¹ Мустафа, надушенный и мрачный; казалось, яд сочится из каждой его морщины. В такт шагам он помахивал короткой палкой, как будто угрожая ею рабочим.

¹ Муаллим — мастер.

Юсуф скрипнул зубами, с ненавистью глядя на муаллима, и спросил:

— Где газета?

Один из рабочих вытащил из-за пазухи маленький сверток. Газета до такой степени была захватана и затерта руками рабочих, что готова была рассыпаться.

Ворчала моторная лодка в море, дребезжал перегруженный автомобиль, выезжавший из ворот склада. Прочитав статью о правах рабочих, Юсуф перешел к событиям в Корее, а затем стал читать о демонстрации телеграфистов в Бейруте. Вдруг кто-то заметил:

— А ведь сегодня получка, ребята.

Юсуф прервал чтение, товарищи его зашептались:

— Я слышал, компания не собирается сегодня платить... Как ты думаешь?

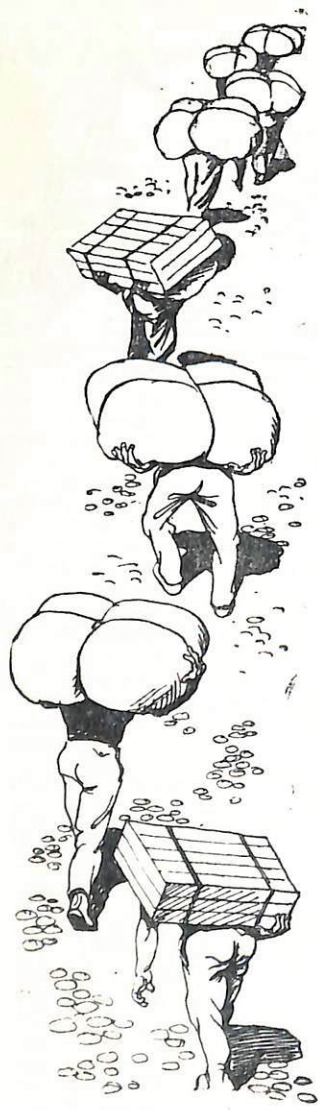
— Это невозможно... Это грабеж!

— А если не заплатит?

— Тогда мы будем знать, что делать.

Юсуф на мгновение задумался, потом, свергнув газету и спрятав ее, заговорил о необходимости создать рабочий комитет, который будет защищать их права; взглянув на рабочих, бродивших по набережной, он шепотом стал объяснять свой план...

Через некоторое время его товарищи встали и каждый из них направился к одной из групп. Рабочие зашептались, некоторые стали переходить от одной группы к другой. Кое-кто встречал план Юсуфа с насмешкой, другие — безразлично, однако его идея уже овладела умами.

Нервно прозвучал свисток муаллима Мустафы, и рабочие бросились к нему. Крича и отталкивая друг друга, они теснились вокруг, а он раздавал номерки на работу. Тому, кто получил номерок, был обеспечен день работы. Остальные понуро брели домой.

Юсуф получил номерок и вместе с двумя товарищами стал беседовать с другими рабочими, рассказывая им о плане, осуществить который они решили, о рабочем комитете, который будет в дальнейшем добиваться повышения зарплаты.

Вновь раздался свисток, и рабочие направились к большим железным воротам, предъявляя номерки двум муаллимам. Словно преступники, осужденные на каторжные работы, бросали они хмурые взгляды на горы тюков, досок, железных балок и других материалов, кото-

рые им предстояло перенести на своих плечах. Тяжело и устало они волочили ноги по земле, как будто грубые цепи сковывали все их движения.

В третий раз прозвучал свисток, рабочие разошлись по своим местам под окрики муаллима:

— Эй, ты... и ты... шевелитесь!

Началась работа. Огромные тюки перемещались с места на место, скрипели колеса повозок и тачек, скрежетали подъемные механизмы. В одни склады рабочие вносили тюки, из других — выносили. Шум, свистки и глос муаллима:

— Эй, ты, шевелись!.. Ты что, играть сюда пришел? Ты, Мухаммед! И Жорж! Тащите этот тюк, а ты, Хамиль, со своей бригадой по-

грузи эту железную балку на машину... А ты... а ты...

изнурительный тяжкий труд под палящими лучами солнца, среди пота, пыли, шума и свистков продолжался до полудня.

* *

Опять зашептались рабочие. Глаза их сверкали, когда они поглядывали на муаллима Мустафу и на контору компании, где обычно выдавали зарплату. Ворча, они стали собираться под дверью конторы. Заметив это движение, муаллим поспешил к лестнице, ведущей в контору, но Юсуф успел схватить его за руку, прежде чем тот поднялся на ступеньки.

— Подожди... Заплатят нам сегодня или нет?

Муаллим злобно бросил:

— Не знаю! Спросите господина Джубрана.

— Что нам Джубран! Мы хотим получить зарплату... Мы хотим есть!.. Понятно?!

Муаллим Мустафа вырвался и быстро взбежал по лестнице, провожаемый ненавидящими взглядами рабочих. Время шло, разговоры постепенно стихали. Из конторы никто не выходил. Рабочие стали совещаться. Затем Юсуф с двумя товарищами поднялся по лестнице и, войдя в светлую чистую приемную, обратился к слуге:

— Иди скажи господину Джубрану, что люди хотят получить деньги.

Под гневными взглядами рабочих слуга задрожал.

— Х... хо... хорошо, садитесь сюда...

Он указал на длинную скамью и исчез за дверью.

Рабочие не сели, а принялись ходить взад и вперед, перебрасываясь короткими замечаниями о рабочем комитете, об иностранной компании, которая грабит их и всегда задерживает выплату денег — а зарплаты и без того едва хватает на покупку самой простой еды. Их рваная одежда была покрыта черными пятнами от пота и пыли, волосы всклокочены, белки глаз сверкали на почерневших лицах. За дверью слышался голос муаллима Мустафы, рассказывающего что-то Джубрану, и голос Джубрана, говорящего по телефону. Обменявшись понимающим взглядом, рабочие стали прислушиваться к подозрительно-

му разговору, шепча проклятия по адресу интригана Мустафы и компании.

Из кабинета вышел слуга.

— Господин Джубран говорит вам: работайте сегодня день, а завтра получите зарплату.

— Иди передай ему: пусть он придет и сам скажет... Иди!

Слуга вернулся в контору. Трое рабочих ждали... Снова начался ропот снаружи, слух Юсуфа уловил какое-то необычное движение. Вдруг дверь распахнулась, на пороге появился Джубран. Крича и бранясь, он направился к рабочим, размахивая руками.

— Уходите... И ты... и ты... Все!

— Заплати — тогда уйдем. Давай зарплату!

— Не будет сегодня зарплаты. Уходите!

— Не уйдем.

— Уходите!

— Не уйдем!

Голоса смешались... Лицо Джубрана изображала гримаса отвращения, как будто он видел перед собой нечто грязное, оскверняющее своим видом эту чистую комнату. Он кричал на рабочих, пытаясь вытолкнуть их из прихожей.

Кровь прилила к щекам Юсуфа, в ушах, обгоняя друг друга, звенели голоса рабочих, долетавшие с улицы, и грязные проклятия Джубрана. Ему вспомнились голодные мать и братья, и сосед, требующий возвращения долга, и дороговизна, и цепи, сковывающие рабочих в его стране. Все это пронеслось в его воображении, когда, кипя от ярости, он бросился на Джубрана.

Шум и голоса снаружи усилились, и до Юсуфа, боровшегося с Джубраном, донесся топот тяжелых шагов по лестнице. В пылу борьбы он не обратил на это внимания, но вдруг руки полицейских схватили его, и, несмотря на отчаянное сопротивление, он очутился на улице. Здесь все было красно от красных шапок полицейских, которые разгоняли собравшихся у конторы. Юсуф закричал товарищам и вырвался из державших его рук.

Началась свалка. Изнуренные трудом тела налились новой страшной силой. Рабочие напали на полицейских с кулаками, в воздухе засвистели камни. В ответ посыпались удары коротких дубинок и рукояток револьверов. Полилась кровь рабочих; упал один из полицейских, другой завопил от боли.

— Долой хозяев компании! — раздался крик из толпы. Десятки голосов подхватили его. Но тут рукоятка револьвера опустилась на голову Юсуфа, по его спине и плечам за-

гуляла дубинка. С залитым кровью лицом он упал на землю. Чьи-то ноги топтали его тело. Он слышал крики, тяжелый гул шагов, проклятия и сквозь кровь, заливавшую ему глаза, увидел дрожащего, с бледным лицом Джуорана и рабочих, которые, как легендарные призраки, рыча наносили удары направо и налево. Затем все завертелось в какой-то странной карусели.

* * *

Порт объявил забастовку. Через три дня Юсуф и его товарищи были освобождены из тюрьмы. Как и всем рабочим, им была выдана зарплата. Но главное были не деньги с традиционным изображением кедр² и цитадели Баалбек. В тысячу раз дороже, прекраснее было другое. Юсуф знал: рабочие его страны, озаренные огнем сознания, составляющие одно могучее целое, поднимут тяжелый молот и разобьют свои цепи.

² Герб Ливана.

Перевели с арабского Г. Лебедев и Ф. Сейфуль-Мулюков

